РУСЛАН ГАЛИМОВ

ГЕРМЕС

(рассказ)

Мансур сидел на берегу и перелистывал «Легенды и мифы Древней Греции». Книгу он выменял на фонарик «Даймон» и велосипедный насос. Насос, конечно, ему теперь не нужен, а фонарик мог бы ещё пригодиться, но, как говорится: мен-мен не размен, а сто коробок спичек.

Несколько картинок было вырвано, но и без них книга была интересной. Там боги, один другого сильней, а главный у них, Зевс, однажды превратился в луч света.

Мансур, сощурившись, смотрел на солнце. Гелиос, раскалившись от собственной температуры, плавился на поверхности реки.

И ещё запомнился покровитель путников и посланник богов Гермес с крылышками на пятках. Мансур повертел ногой. От стоптанного каблука осталась на песке полоска, она тотчас же заполнилась водой, песок по краям оползь, и набежавшая волна стёрла маленькую ранку пустого берега.

«Вот уеду я, — думал он о себе с жалостью, — и пусть они ищут». Куда уедет, он ещё не решил, но жить дальше второгодником у него не было сил. Вообще-то он бы смог и второгодником, но сегодня утром приходили из школы. Мансур сразу спрятался.

Разговаривала с ними соседка тётя Нюра, а она уж такого наговорит... Хорошо, что матери дома не было. Мансур поёжился. Будто Мансур виноват, что от неё опять дядя Саша ушёл. Сама же в баню собирала. Вот, мол, мужики мои, мочалка вам, веник с базара. И рубль им ещё дала на пиво, как будто он пиво любит... А они как вышли из ворот, дядя Саша сунул ему в руку сумку и говорит: «Иди сзади меня». Подумаешь, с ним рядом он и сам бы не пошёл, надо больно, чтобы видели, и так дразнят. Сумка-то не тяжёлая, да только дядя Саша как с кем остановится, так и говорит: мол, племянник за мной увязался, братан...

И ждёшь, и ждёшь его, ну сколько можно ждать, а подходить нельзя. Но ведь если собрались идти в баню, надо идти. А он всё стоит, разговаривает. Тоже мне, родственник, нашёл себе братишку.

Вот Мансур и вернулся домой. Оставил ему сумку и вернулся.

Если надо, он сам сходит в баню, один. «Спину потрёте друг другу...» Натёр бы я ему спину. Вот погоди ещё, вырасту, так натру, что больше не придёшь к нам. Жили ведь без него...

Мать разоралась, но не тронула в тот день, а дядю Сашу выгнала, так ему и надо.

Целую неделю его не было, не показывался, а сегодня мать сама пошла к нему, напудрилась, губы накрасила...

Наверное, мириться будут. Однажды ночью проснулся и под подушку залез, стыдно стало от того, что услышал. Так под подушкой и уснул.

Эх, войны нет, пошёл бы он тогда в армию, сыном полка, а вернулся бы в орденах, тогда мать побоялась бы тронуть, а этого дезертира он бы в шею выгнал — и в тюрьму. И в школе не оставили бы фронтовика на второй год.

При воспоминании о школе он с отвращением сплюнул.

Он, может быть, больше всех знает, а его даже на осень оставили. На что уж Курленков с Мишуковым, вообще ни бум-бум, а их всё равно перевели, потому что говорить много умеют, ничего не знают, а болтают что попало.

В прошлом году летом в деревне заходили к одной старухе, а мать как узнала зачем, стала абейку ругать, мол, на знахарок деньги тратит. А бабушка сама пенсию получает, и ему алименты приходят. Правда, мать говорит, что мало, но пять рублей — ого какие деньги! И они с абейкой ничего там не потратили, платок подарили, а этих платков у неё в сундуке столько, что парус можно сшить. Абейка так и сказала: платки мои, как хочу, так и буду ими распоряжаться.

Мать ничего на это не ответила, не верит она в знахарок. Пусть не верит, Мансур тоже не очень-то верит и даже боялся сначала, что к колдунье его приведут, а они там чай с мёдом пили, а потом над его головой замок открывали, обыкновенный замок, и никакого колдовства не было, только всё молитву заставляли повторять: «Ля иляхы алла мухамаде расулюлла» — красивые непонятные слова, но заикаться он так и не перестал.

Вдали проплывали белые пароходы. Мансур с надеждой смотрел на них: как стоит он на самой верхней палубе рядом с капитаном и сурово смотрит на провожающих, и весь класс с завистью машет ему руками, а учительница стоит в белом платье с его портфелем и кричит: «Мансур, Мансур, ты перешёл в пятый класс, ты перешёл в пятый класс!..»

Мансур поднялся, сунул книгу за пояс и решительно зашагал в сторону пристани.

Из Казани подходил пузатый пароход, давая длинный причальный гудок. На нём он уедет. Мансур оглянулся.

Пробежала собака, опустив мочальный хвост, и остановилась, заметив, что Мансур полез в карман. Собака стояла, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. Мансур подошёл к ней и протянул кусок хлеба. Собака осторожно взяла его и отошла в сторону, бережно опустила хлеб на землю.

С реки пахнуло свежестью и непонятно тревожным запахом. Собака наступила одной лапой на хлеб. Загривок у неё поднялся, и она тихо зарычала, защищая себя, Мансура, свой хлеб и голый берег, и долго провожала Мансура, пока он не скрылся за развалившимся сараем.

Пароход замер у дебаркадера, отдыхая перед дальней дорогой, и только внутри у него ещё бушевала механическая жизнь, которая торопила дальше, а дебаркадер, слегка накренившись, засмотрелся на белый пароход, наверное, завидуя в душе, что ему всю жизнь стоять на приколе, а пароход куда хочет туда и плывёт.

Мансур ласково погладил перила дебаркадера. Вокруг стояли взрослые с узелками, чемоданами, корзинами, мешками, некоторые женщины прижимали к лицу платки, шумно сморкались. Он подумал: если провожают, то зачем так плакать? Пусть сами едут, если деньги есть. А денег у взрослых всегда много.

И тут он только обратил внимание на окна. Они были с решётками.

А на носу парохода стоял часовой с винтовкой, который время от времени прохаживался по палубе. Из окон выглядывали чьи-то жёлтые лица.

Мансур так и замер, вперив взгляд в винтовку. Часовой время от времени поправлял её за спиной, то ли просто показывая всем, то ли хвастаясь, что у него есть такая винтовка. А на дебаркадере тем временем появился ещё один солдат, но без оружия.

— Граждане, прошу разойтись!— сказал он. — Не положено здесь стоять.

Мансур прижался к перилам. «Наверное, шпионов везут», — подумал он. Но что-то было их слишком много, да и тётеньки не стали бы так плакать. Старушка одна с мешком всё совала картошку солдату, чтобы передал он внуку. Солдат, разозлившись, стал ругаться:

— Да кормим мы их! — И закричал в окна: — Скажите, кормят вас или нет?

— Кормят! Кормят! — весело ответили из-за решёток.

— Вот видишь, — обернулся солдат к бабке.

А дяденька один в очках всё шёпотом упрашивал солдата:

— Вы, пожалуйста, передайте узелок с едой, там папиросы и кусок колбасы... Ничего другого нет, я же понимаю...

А что он понимал, Мансур не догадался. Потом офицер вышел, посмотрел молча, повернулся и ушёл на берег. Наверное, на базар. Тут сразу все загалдели вокруг солдата. Тот махнул рукой и сказал:

— Ладно, давайте ваши передачи, но чтоб...

А бабка всё с картошкой лезла, и солдат ей сказал, чтобы она лучше папирос купила, пока пароход стоит.

— Ты уж покарауль, сынок, мешок мой, пока я сбегаю.

Все засмеялись, а солдат буркнул:

— Ладно, иди, бабуся, покараулю.

Какой-то дяденька сказал рядом с Мансуром:

— А за побег им того — два года.

Мансур заворожённо смотрел на «бывших» людей, которых охраняли теперь сердитые солдаты. «За что же их?» — мелькнуло у него в голове. Спросить кого-нибудь Мансур не решился: было боязно. Осталось только вслушиваться в разговоры...

— Мам, ты не расстраивайся, — говорил один, с бледным лицом.

— Да что я, как-нибудь, уж смотри там, Володя, веди себя хорошо, может, раньше отпустят, — отвечала заплаканная тётя.

— Жди, бабуся, с похвальной грамотой вернётся! Ха-ха! — загромыхало где-то внутри.

Несколько новых людей прильнуло к решёткам. В железных прямоугольниках лица казались удлинёнными и без ушей.

«А я бы пролез, — подумал Мансур, — пролез и убежал».

И, словно отвечая на его мысли, другой мужчина, в соломенной шляпе, опять сказал кому-то:

— А за побег им того — ещё два года накинут.

Мансур насторожился. Собираются бежать? Если бежать, надо сразу же в воду. И под дебаркадер, только воздуха надо больше набрать. А там под мостки засесть, и никто не увидит. Все подумают, что уплыл и утонул.

Мансур глубоко вздохнул и терпел, сколько было сил. Собака не найдёт, выдохнул он. А можно было бы до вечера просидеть, а утром в школу, к первому уроку...

Или попросил бы винтовку у солдата и сам поймал бы бандита, и повёл бы его мимо школы, перед первым уроком. А он здоровый дядька, руки за спиной связаны. Идёт и оглядывается, а Мансур ему: иди, иди...

Внутри парохода опять загомонили.

— Это что у вас там? — немного успокоившись, спросила тётя с платком.

— Наверное, ужин, мам.

— Ты уж напиши, как приедешь.

— Напишу, напишу, мам.

— Костюм-то, наверное, продадим? Сосед дядя Вася говорит, что купит своему Косте. Продать или не надо? Выйдешь, так мы новый тебе справим.

— Как хотите...

Из соседнего окна выкинули селёдку, и она, ударившись о борт, шлёпнулась в воду между дебаркадером и пароходом.

— Плыви, рыбка золотая!.. — закричали вслед из окон.

— Смотри-ка, вас и селёдкой кормят.

— Кормят, мам, кормят, всем кормят.

Часовой кому-то сказал, и окна закрыли щитом.

Мансур поправил книжку за поясом и задумался: а был ли в Древней Греции покровитель жуликов и бандитов? Такого вроде не оказалось, не вспомнил, и ему стало интересно. У всех есть свои покровители, а у этих нет.

Мансуру уже расхотелось ехать на этом пароходе. Ему вдруг показалось, что он грязный и что на нём далеко не уедешь, тут же поймают, как вот этих. Мансур начал медленно пробираться вдоль перил и наткнулся на солдата, который равнодушно глазел на пароход, на мазутные разводы и лениво сплёвывал в воду.

— Мансур, — тихо окликнули вдруг. — Мансур!..

Мансур оглянулся и никого не увидел.

— Мансур! Сосед! Смотри сюда. Сюда.

Мансур растерянно посмотрел вокруг и увидел в окне чье-то знакомое лицо.

«Кто это, кто это меня зовёт?» — Мансур покраснел.

Его действительно окликнул один из этих...

— Мансур, это я, вспомни, сосед твой, Петька.

И Мансур действительно узнал рыжего дядю Петю, которого ещё зимой посадили за драку.

— Ты наших никого здесь не видел?

Мансур, растерявшись, отрицательно покрутил головой и еле выдавил из себя:

— Нет, не видел...

Ему было стыдно, что у него есть такой знакомый; но дядя Петя вроде хороший, он таких змеев запускал, что вся улица ахала: он и Мансуру давал подержаться за нитку.

— Мансур. сбегай к нашим, пожалуйста, скажи им, что меня перевозят в райцентр. Пусть хоть курева принесут. Слышишь, ну сбегай, пожалуйста. Мансур, помнишь, как мы с тобой рыбачить ходили...

Мансур заволновался, не зная, что ответить, и отошёл на шаг от перил. О рыбалке он не помнит, забыл... Солдат обернулся и внимательно посмотрел на Мансура.

— Я сейчас! — вдруг вырвалось у него. — Я быстро. Жди, я сейчас...

Он кинулся вдоль берега к дому, задыхаясь и повторяя про себя:

— Я сейчас, дядя Петя, я скоро!

Уже совсем без сил он выскочил на свою улицу, пробежал мимо своего дома и влетел на соседний двор, в сени, в двери...

— Д-дядя Коля, д-дядя Коля, там Петя на пароходе, в т-тюрьму его везут. У него к-курева нет, там п-пароход стоит.

— Какой ещё пароход? — Дядя Коля поднялся из-за стола и подошёл к Мансуру. — Петьку, что ли, везут?

— Петьку, Петьку, — обрадовано затараторил Мансур, — в тюрьму его...

— Так ему и надо, — зло оборвал дядя Коля. — Вон мать четвёртый месяц из-за него, подлеца, не встаёт, так и скажи ему. Наблудил, пусть и отвечает, никакого курева ему не будет. Так и скажи. А погоди-ка, погоди, а ты откуда знаешь?

Но Мансур, уже не слушая, выскочил на улицу и бросился к своему дому... Матери ещё не было. Мансур крутнулся на кухне, схватил хлеб, сахар, из комода вытащил папиросы (мать дяде Саше ещё купит) и полетел обратно.

Возле брёвен, на которых он сидел до этого, остановился передохнуть и увидел, что пароход, медленно разворачиваясь, отходил от пристани.

Кульки его рассыпались. Он подбирал с земли кусочки сахара, слёзы застилали глаза.

Мансур выпрямился и опять увидел ту собаку.

— Вот видишь! Я бежал и не успел, а он ждал меня. А я не успел, вот видишь...

Собака, зайдя со стороны, осторожно подбирала остатки передачи.